

Новая Польша 3/2017

0: Одомашненный Булгаков

Роман «Мастер и Маргарита» с самого начала играл в нашей семье особую роль. Он неотступно сопровождает нас с мая 1981 года. Той весной — весной под знаком «Солидарности» — из Варшавы в Краков приехал с лекцией о русской эмиграции мой будущий наставник и учитель Анджей Дравич. Меня, студента-русиста Краковского университета, в этот период очень занимали судьбы свободной русской культуры на Западе, а кроме того, я как раз прочитал «Мастера и Маргариту», что стало откровением, но стоило немалого труда, поскольку читал я эту книгу сразу в оригинале. Дравич уже тогда пользовался славой маститого булгаковеда, а я во время состоявшейся после лекции дискуссии задал ему вопрос о малоизвестной пьесе писателя «Батум», посвященной молодости Иосифа Сталина. В результате вечером того майского, жаркого, как сейчас помню, дня я отправился вместе с Анджеем Дравичем в свое главное путешествие.

Анджей возвращался поездом домой, в Варшаву, на Служевец, а я, тоже на поезде, ехал к жене в Кельце. И мне выпало счастье неповторимой по своей атмосфере беседы с Мастером о русской литературе, в том числе о Булгакове. Дравич не скупился на рассказы о своих русских интеллектуальных приключениях, дружбах, увлечениях... Анна Ахматова («Анна Андреевна» — называл он ее), Иосиф Бродский («Ося»), Владимир Максимов, Андрей Синявский, Наташа Горбаневская, Надежда Мандельштам, Юрий Трифонов, Булат Окуджава, Елена Булгакова — он всех их знал, со всеми встречался в Москве, Петербурге, Париже, Нью-Йорке. Тем временем мы проехали Словик, Ситкувку-Новины, и мне пора было выходить... К счастью, мои отношения с Дравичем на этом не закончились. Спустя три года, в 1984-м, он предложил мне участвовать в подготовке издания «Мастера и Маргариты» для второго выпуска знаменитой серии «Национальная библиотека» (издательство «Оссолинеум»). На тот момент существовал только один польский перевод — первый, сделанный Иреной Левандовской и Витольдом Домбровским, ныне (не только в силу своего возраста) именуемый «классическим». Дравич должен был подготовить предисловие, а я — по мере своих тогдашних сил — проверить соответствие перевода тексту оригинала, возможно, предложить внести какие-то изменения, но прежде всего сделать комментарии к роману. Мы жили под Краковом, в деревне Клокочин, жена преподавала в школе, а мы с трехлетним сыном Игорем оставались на хозяйстве. Иногда, если я слишком погружался в мир примечаний, сын напоминал о себе фразой, которая живет в семье по сей день: «Следи за мной, папа!» Вскоре и ему довелось узнать, насколько этот роман затягивает.

Наше издание — после долгих мытарств с цензурой — увидело свет лишь в 1990 году, примечаний и комментариев набралось страниц пятьдесят, да и в самом тексте — разумеется, с согласия переводчицы (Домбровский скоропостижно скончался в 1978 году) — мне удалось исправить кое-какие недочеты. В 1995 году в издательстве «Выдавництво дольношлёнске» вышел второй польский перевод «Мастера и Маргариты», принадлежащий перу уже самого Дравича, который привлек меня к работе и над этим изданием — в качестве консультанта по вопросам библейской терминологии. Конечно, не все мои тогдашние предложения оказались удачными, однако удалось уговорить переводчика наконец заменить использованный в первом переводе вариант имени Левия Матвея — «Mateusz Lewita» (может, и хорошо звучащий, но, с точки зрения первоисточников, неверный) на евангельское «Mateusz Lewi», а также отказаться от латинского определения «eques Romanus» применительно к Понтию Пилату — и тут, кстати, интуиция меня не подвела. В послесловии к своему переводу Дравич написал: «Высоко оценивая плоды труда двух переводчиков, ваш покорный слуга решил перевести роман еще раз. Переводы, даже самые лучшие, подвержены старению — это общеизвестный факт и одна из причин, почему я взялся за эту работу». Другая причина, возможно, даже более важная, носила исключительно личный характер: «Не перевести эту книгу я не мог. (...) она для меня — нечто большее, чем литература. Я живу в ее пространстве, многое из нее почерпнул, и порой мне кажется, будто ее герои, не главные, а второстепенные — Коровьев и Бегемот — устраивают мне всякие каверзы».

Анджей Дравич однако тактично опустил еще одну причину, побудившую его взяться за перевод, лишь вскользь упомянув ее в послесловии: «У этой прозы свой, достаточно сложный, ритм и внутренняя мелодика». Лишь в адресованном мне письме от 24 февраля 1995 года он высказался без обиняков:

«И еще: я так понял из твоего примечания, что “Lewi” — как минимум допустимо, вместо “Lewita” — верно?

Перевод моих предшественников показался мне в значительной степени верным и корректным, порой свидетельствующим о большой изобретательности — однако немелодичным в смысле внутреннего звучания

фраз и целых абзацев, словно бы узловатым и колким. Получилось ли у меня лучше? Как обычно бывает в таких случаях, неизвестно. Но, как ты сам понимаешь, не сделать этого я не мог.

Заранее благодарен тебе за усилия, привет Супруге и Потомству,

Анджей»

Интересно, что в дальнейшем среди авторов многочисленных, но, к сожалению, большей частью поверхностных сопоставлений двух переводов, пожалуй, лишь Кшиштоф Маслонь на страницах газеты «Жечпосполита» сумел оценить мелодичность текста Дравича и его более глубокое знание реалий. Об одном только не было сказано ни слова, а именно о том, что первый перевод был поразительно неровным. Рядом с достойными восхищения фрагментами в нем можно обнаружить немало мест на редкость шероховатых, «узловатых и колких», сделанных в спешке в самом начале работы и так и оставшихся неотредактированными. Особенно безнадежно устарели строки, посвященные любви Мастера и Маргариты, они — взять, к примеру, хотя бы главу двадцать четвертую — звучат сегодня так, словно взяты совсем из другой оперы. Еще в 1966–1967, при подготовке первой публикации романа «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва», советский цензор — согласно насаждавшейся спустя двадцать лет идее, будто «в СССР секса нет» — заменил в этой главе, там, где Маргарита загадывает волшебное желание, откровенное слово «любовник» благопристойным «возлюбленным». Невероятно, но эта цензура нравов, от которой в СССР применительно к «Мастеру и Маргарите» отказались уже в издании 1973 года, как проникла в первый польский перевод, так и живет в нем по сей день!

Говоря о музыкальности «Мастера и Маргариты», Дравич — который, кстати, этого «любовника» безошибочно выловил — имел в виду не только конкретные фразы, но и все художественное пространство этого неразгаданного произведения, которое следует воспринимать как литературную симфонию. И каждому новому переводчику приходится устанавливать душевную связь с оригиналом, искать свою мелодическую основу... И одновременно извлекать из недр собственного языка — не из словарей — глубокий смысл булгаковских слов и фраз, иной раз терпеливо дожидаясь, пока однажды ночью эти слова и фразы сложатся в текст, хоть сколько-нибудь достойный оригинала. Да, Булгакова следует переводить покорно и терпеливо, но также и с известной смелостью, поскольку оригинал написан с необычайным размахом. Переводчик этого романа не имеет права быть лишь ремесленником, готовым удовлетвориться буквальным соответствием, взятым из словаря, тем более, что уже существуют и имеют своих читателей другие переводы.

Много внимания и споров мы посвятили звучанию заглавий отдельных глав «Мастера и Маргариты», чтобы, например, не проглядеть аллюзию со знаменитой пушкинской строкой в названии тринадцатой главы «Пора! Пора!» («Czas! Już czas!») и решиться после долгих размышлений на стилизацию под библейскую заповедь заглавия главы первой: «Никогда не разговаривайте с неизвестными» («Nie będziesz rozmawiał z nieznanymi»). Мы попытались заново определить звучание некоторых имен собственных, но прежде всего — передать ритм этой динамичной прозы, с ее замедлениями и ускорениями, словесной эквилибристикой, сравнимой с велосипедными трюками семьи Джулли в двенадцатой главе. Мы стремились передать средствами современного польского языка чувственный опыт Булгакова — видимое, слышимое, обоняемое, пробуемое на вкус. Писатель, создавший удивительное повествование о смысле человеческого бытия во времена страдания и счастья, выступает одновременно с апологией личности и необходимой ей свободы. Он обозначил точки соприкосновения между сферой человеческого, божественного и дьявольского, но также определил и непреодолимые границы между ними, сформулировал ключевые вопросы о возможности существования человека в вечности, о вневременном смысле любви мужчины и женщины, о сути творчества. Он был одновременно блестящим стилистом, сумевшим вплести в стремительное, летящее действие изысканную речь Воланда — и профессора Стравинского с его медицинской терминологией, новояз Берлиоза, люмпен-пролетарские реплики Аннушки, канцелярский стиль первой части Эпилога, рваный квазипоэтический жаргон Бездомного, каламбуры ученого кота, раблезианский сленг Коровьева (кстати, именно «Kogowiew» — а вовсе не ставший привычным польскому уху «Kogowiów» — должны звать клетчатого типа), а также любовный язык Мастера и Маргариты. К тому же еще вездесущий повествователь, то скрывающийся за завесой серьезности, за тоном, полным сочувствия к страданиям Иешуа, то сатирик и иронист (как, например, в Эпилоге), а порой спутник Маргариты — разделяющий ее тоску, сопровождающий во время буйства в квартире Латунского, в разнузданном полете с Арбата на Днепр и на балу у Воланда.

Все это каждому переводчику приходится реконструировать в собственном языке, а зачастую и создавать заново.

«Tak mówi Małgorzata, idąc wraz z Mistrzem do ich wieczystego domu, i wydaje się Mistrzowi, że słowa Małgorzaty płyną niczym ten szemrzący strumień, który dopiero co minęli. I pamięć Mistrza, jego niespokojna, boleśnie pokłuta pamięć, zaczyna przygasać. Ktoś daje mu wolność, tak jak i on uwolnił przed chwilą stworzonego przez siebie bohatera.

Bohater ów odszedł w bezkres, odszedł bezpowrotnie, dostąpiwszy przebaczenia w noc przed zmartwychwstaniem — syn króla astrologa, okrutny piąty prokurator Judei, rzymski ekwita Poncjusz Piłat».

«Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресение сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат».

В версии Левандовской и Домбровского этот финал тридцать второй главы «Прощение и вечный приют» (в нашем переводе названной «Przebaczenie i wieczysta przystań») звучит так: «Bohater ten odszedł w otchłań, odszedł bezpowrotnie, ułaskawiony w nocy z soboty na niedzielę syn króla-astronoma [sic!], okrutny piąty procurator Judei, eques Romanus, Poncjusz Piłat». У Дравича: «I bohater ten, dostąpiwszy przebaczenia w sobotnią noc, odszedł w otchłań, odszedł bezpowrotnie — syn króla-astrologa, okrutny piąty namiestnik Judei, rycerz Poncjusz Piłat». Откуда эти различия, меняющие конечный смысл булгаковского текста там, где он всерьез говорит о проблемах вечных?

Оттуда, что в русском языке разница между польскими словами «niedziela» и «zmartwychwstanie» заключена в одной крошечной букве. Седьмой день недели — «воскресенье», а бессмертный акт, совершенный Иисусом Христом в ночь с субботы на воскресенье — «воскресение». В польском же языке подобного сближения этих двух существительных не произошло, и седьмой день недели на берегах Вислы именуют по-славянски: «niedziela», то есть «ничегонеделание» («Жизнь моя — нескончаемое воскресенье» — писал в одном из писем к матери Словацкий). Это-то обманчивое сходство русских слов и привело в случае «Мастера и Маргариты» к недоразумениям. Все началось весной 1963 года, когда Елена Сергеевна, вдова писателя, готовившая к печати свою вторую машинописную версию «Мастера и Маргариты», заменила булгаковское «воскресение», значившееся в единственной прижизненной машинописи (1938), будничным «воскресеньем». Это исправление вошло в искромсанную (как мы видим, не только рукой цензора) публикацию на страницах журнала «Москва» в 1966–1967 гг., и с той поры вплоть до 1989 года все издания романа — как оригинальные, так и переводные — содержали это меняющее суть вещей вторжение в текст. И только в 1989 году в Киеве появилось издание, подготовленное Лидией Яновской, которая и вернула фразе первоначальное — авторское — звучание. Анджей Дравич, переводивший роман по второму, московскому изданию Яновской (1990), к сожалению, проглядел этот момент, а я тогда не сумел ему подсказать.

Дьявол, как известно, кроется в деталях... Когда в 1995 году во Вроцлаве вышел перевод Анджея Дравича, запротестовали читатели, выросшие на первой польской версии «Мастера и Маргариты». Особенно их возмущало то, что Дравич превратил Аннушку в Анельку, однако читатели младшего поколения — к каковым, вне всяких сомнений, относится наша дочь Анета (1989 года рождения), первый критик и консультант этого перевода (у нас дома хранятся сделанные ею, тогда еще ученицей лицея, пометки и остроумные рисунки...) — очень доброжелательно восприняли Анельку и потом удивлялись, откуда взялась в других вариантах экзотическая «Аннушка». К проблеме более или менее оправданной критики мелодичного перевода Дравича в сравнении с зачастую прозаичным текстом Левандовской и Домбровского я планирую обратиться в ближайшее время на страницах научного журнала по русистике. С моей точки зрения — да простит мне это замечание с высот своего прибежища мой Мастер и Учитель — ахиллесовой пятой перевода Дравича является «заигрывание» с читателем, явное предоставление преимущества языку Коровьева, а ведь не он, совсем не он является в «Мастере и Маргарите» дирижером и первой скрипкой.

Я формулирую эти замечания по горячим следам, в Москве, в конце жаркого мая 2016 года, спустя три месяца после окончания нашей общей полуторагодовой работы, в дни, когда столица России празднует 125-летие со дня рождения Булгакова. Памятника писателю на Патриарших прудах по-прежнему нет. Московский булгаковед и наш друг Женя Яблоков подозревает, что это происки недолюбливающей «Мастера и Маргариту» Церкви, с которой отцы города в эпоху Путина вынуждены считаться. В Театре на Таганке, рядом с которым мы так удачно поселились, идет «Мастер и Маргарита» в знаменитой, однако устаревшей и не трогающей даже самих актеров постановке Юрия Любимова (1976). Характерно, что пуританский дух цензора жив и поныне — вместо «любовника» со сцены отчетливо звучит «возлюбленный».

С угла улиц Моховой и Знаменки видна переливающаяся зеленью в лучах жаркого послеполуденного солнца крыша Дома Пашкова с ее гипсовыми цветами в гипсовых вазах, однако гармонией этого классического здания лучше любоваться с противоположной стороны Староваганьковского переулочка, где чиновники филиала комиссии зрелищ и увеселений хором распевали «Славное море священный Байкал»... Знаменитый Дом Грибоедова на Тверском бульваре, 25 — теперь Литературный институт им. А.М. Горького, где оттачивают мастерство будущие, сегодня едва оперившиеся, Толстые и Достоевские. В мае 2016 года старый вход в Дом Грибоедова со стороны

Тверского бульвара наглухо закрыт — сквозь фигурную, помнящую времена Булгакова, кованую чугунную ограду можно лишь заглянуть в сад — сегодня уже вовсе не чахлый, а вполне буйный, с густой зеленью всевозможных деревьев и кустарников, желтыми и фиолетовым цветами в траве. В саду с 1959 года стоит памятник, но, разумеется, не Александру Грибоедову, а давнему владельцу — Александру Герцену, писателю, мыслителю, который практически в одиночку наперекор всему народу поддержал поляков — участников Январского восстания 1863 г. Что скрывать, мы, разумеется, собирались зайти в Дом Грибоедова, более того, даже договорились встретиться там с ректором Алексеем Варламовым — кстати, автором серьезной книги о Булгакове, — однако судьба распорядилась иначе. А точнее, распорядился бдительный вахтер, стерегущий турникет у входа с Большой Бронной и потребовавший пропуск. Нам ничего не оставалось, кроме как двинуться по Тверскому бульвару, от памятника Пушкину в сторону памятника Тимирязеву, свернуть направо, на Спиридоновку, и вслед за профессором Понырёвым отправиться на Патриаршие пруды.

С Воробьевых гор, расположенных совсем в другой части города, сегодня уже, к сожалению, не видны сказочные башни Новодевичьего монастыря, возносящиеся над кладбищем, где (кроме Чехова, Гоголя, Ростроповича с Вишневской, Хрущева с Ельциным) покоятся Елена и Михаил Булгаковы. Нам с женой пришлось немного поплутать, прежде чем мы нашли их могилу, хотя я уже был тут однажды (в феврале 1993 года). Над вечным пристанищем писателя и его спутницы возвышаются две высоченные груши, посаженные рукой Елены Сергеевны. Сегодня в крону одной из этих груш вплетаются ветви цветущего на соседней могиле каштана. Интересно, что, навсегда уезжая из Киева в Москву, молодой писатель больше всего тосковал именно по каштанам, которыми так восхищался на берегу Днепра и которых не было в северной столице. Именно поэтому они присутствуют в относящейся к раннему московскому периоду «Белой гвардии». Теперь огромные каштаны цветут весной и в Москве, и не только на могиле Булгакова, но и в Саду Аквариум на задах бывшего Мюзик-Холла (в романе — театра Варьете на Большой Садовой). На могиле Булгакова нет ни креста, ни памятника — лишь камень с места первоначального захоронения Гоголя, спасенный с кладбищенской свалки Еленой Сергеевной.

Предисловие к новому переводу "Мастера и Маргариты" Леокадии Анны Пшебинды, Гжегожа Пшебинды и Игоря Пшебинды. Znak. Kraków 2016.

1: Прагматичный романтик

Он был исполнителем политического завещания Ежи Гедройца, основателя и бессменного главного редактора парижской «Культуры». Именно по его инициативе проф. Ежи Помяновский добился учреждения в Варшаве журнала «Новая Польша», адресованного русской интеллигенции — по образцу основанной в Париже после войны «Культуры», адресованной интеллигенции польской. Два эти ежемесячника объединяла верность таким ценностям, как правда, свобода, независимость, порядочность и терпимость.

Он был человеком театра. Переводил пьесы Антона Чехова, Михаила Булгакова и Евгения Шварца, книги Льва Толстого и Александра Солженицына, поэзию Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, эссе Андрея Сахарова и Михаила Геллера. Фаворитом и любимым писателем Помяновского был Исаак Бабель. Его произведения были перенесены проф. Помяновским в польский язык с таким совершенством, что многие обороты навсегда вошли в разговорную польскую речь.

В предисловии к очерку Ежи Помяновского «Чем литература обязана медицине?» Петр Мицнер точно заметил: «Когда слово берет Ежи Помяновский, мы слышим особую мелодию фразы. Подбор слов и звуковая изобретательность противостоят небрежности современного польского языка. Предложения хорошей довоенной работы (...). Он — писатель. Как писатель он щедрой рукой раздает свой талант переводам, публицистике, лекциям, высказываниям в дискуссиях и интервью, переписке. Во всех этих текстах есть его личность, его характер, стиль». А ведь стиль — это человек. Это нашло выражение в столь разнообразных и многочисленных текстах, что изумляешься тому факту, что они вышли из-под руки одного человека.

Имя Ежи Помяновского я узнал почти 60 лет тому назад. Однако лично мы познакомились лишь в первом десятилетии XXI века. В октябре 2006 года главный редактор «Новой Польши» написал мне письмо: «Полагаю, что Вас должна заинтересовать статья Андрея Ермонского, напечатанная в последнем номере «Иностранной литературы» (8/2006) — известного и респектабельного ежемесячника, выходящего в Москве. Она целиком посвящена польской литературе и культуре». Эссе Андрея Ермонского «Магические свойства печатного слова —

о журнале "Новая Польша", но и не только...» заинтересовало меня и тем, что выставило высшую оценку польскому периодическому изданию, и тем, что с Андреем Ермонским я встречался почти полвека раньше, когда он работал в московском ежемесячнике «Международная жизнь», а я в качестве секретаря редакции подобного по своему содержанию польского ежемесячника «Справы мендзынародове» принимал его в Варшаве. Тогда он опубликовал репортаж о своей поездке в Польшу, который я запомнил не только в связи с тем, что своим стилем он отличался от строгой пропагандистской формулы официального органа советского МИД, но и по причине его неподдельного восхищения Польшей и ее культурой. Неудивительно, что полвека спустя автор порадовал редактора «Новой Польши», написав о его издании: «(...) журнал этот не имеет ничего общего с печальной памяти «экспортными» изданиями, советскими и польскими, в которых крохи правды тонули в море пропагандистской лжи и пустословия». Трудно было доставить большее удовольствие Ежи Помяновскому, чем отдать дань уважения Ежи Гедройцу и его «Культуре» на страницах ценимого во всем мире российского журнала. Ермонский напомнил слова Ежи Гедройца о том, что появление «Новой Польши» стало «событием, переоценить которое невозможно». Он был прав.

Через год после публикации этого письма, когда мне было доверено сопредседательство в Польско-российской группе по трудным вопросам, то первым, к кому я обратился с предложением войти в состав этой команды, был проф. Ежи Помяновский. Я знал, что если Профессор согласится, то его решение поможет мне привлечь других участников, имеющих заслуженную репутацию людей, пользующихся общественным доверием в Польше и в России. Так и получилось. Активное участие Профессора в работе Группы повышало ее престиж в глазах интеллектуальных кругов Польши и России. К встречам нашей Группы он относился серьезно и ответственно. Принимаемые решения не были ему безразличны. Он вмешивался.

В одном месте проф. Помяновский написал: «А рефлекс вмешательства я считаю необыкновенно важным и ценным — в том числе и в литературе. Ведь общественно полезной или вообще — нужной людям и охотно читаемой можно признать лишь такую литературу, которая затрагивает проблемы еще не преодоленные, не урегулированные, не разрешенные вне ее. Это касается любой литературы, которая стремится быть современной». Приведенная цитата отражает жизненную позицию Автора — врача по профессии, которую он получил, хотя и не практиковал, и которая сочетала постулат Гиппократов («Primum non nocere!» «Прежде всего — не навреди!» (лат.)) с потребностью нести людям помощь. Это была позиция активного и доброжелательного интеллектуала. Проф. Помяновский неоднократно доказывал это всей своей жизнью автора и комментатора, эссеиста, публициста и Редактора. Однако прежде всего и всегда — мыслителя, доброжелательно относящегося к людям и миру, готового оказать помощь всем, кто в ней нуждается. Он принадлежал к поколению последних моголов, которые, подобно маякам, построенным на фундаменте вечных ценностей, указывают направления навигации по бушующим волнам современного мира.

Адам Даниэль Ротфельд — бывший министр иностранных дел, сопредседатель Польско-российской группы по сложным вопросам (2008-2015), профессор Варшавского университета

2: Письмо в редакцию журнала «Новая Польша»

Умер профессор Ежи Помяновский — я узнал об этом из телефонного звонка с радио с просьбой сказать несколько слов. Мне не довелось его близко знать, мы знакомы-то были лишь в последние лет десять или чуть больше, хотя фамилия его была для меня и раньше на слуху как одного из немногих истинных и глубоких знатоков России — таких вот проводников или связующих звеньев между поляками и русскими, проводников в обе стороны (как в электричестве), с любовью к тем и другим. Из тех, с кем посчастливилось общаться, добавлю сюда еще Анджея Дравича и Леона Буйко, светлая им память.

И вот еще одна невосполнимая утрата для нас всех. Пан Ежи сделал невероятно много для познания и понимания поляками России и русских. Уже одним переводом «Архипелага ГУЛАГ» он воздвиг себе памятник, а были еще и «В круге первом», и потрясающие в своем трагизме дневники Исаака Бабеля, и много других русских книг, остающихся в памяти навсегда.

А на новом веку (если быть точным, как раз на смене веков) он создал и до самой кончины бесценно развивал с группой единомышленников абсолютно уникальное произведение европейского масштаба — «Новую Польшу». Это ведь единственный в Польше журнал, выходящий по-русски и посвященный польской жизни — как политической, так и культурной, разным событиям и проблемам, как сегодняшним, так и историческим, включая порой сложные отношения с соседями-славянами — русскими, украинцами, белорусами. И, насколько знаю, исключительно важной является организация распространения журнала — его примерно 4-тысячный тираж расходуется в России не в сети газетных киосков, а путем рассылки по библиотекам и читальням, включая районные в самых далеких уголках страны. Легко себе представить, что, например, для далеких потомков польских ссыльных где-нибудь в Иркутской области это ведь фактически единственный источник информации о сегодняшней Польше, причем информации из первых рук.

Конечно, такой независимый источник объективной информации о большой соседней стране и наших взаимоотношениях не может однозначно одобрительно приниматься российской властью, так или иначе фильтрующей разные новости и рассматривающей исторические и современные политические события в определенной проекции, устанавливаемой свыше. В связи с этим иногда возникают серьезные проблемы, как было, например, в 2008 году, когда парламентский журнал «Российская Федерация сегодня» опубликовал статью под названием «Польский рупор и российская немота» о якобы русофобии и ненависти к России как редакционной политике журнала «Новая Польша». Состоялось и соответствующее заседание комиссии Совета Федерации России по информационной политике. Пан Ежи попросил тогда нескольких своих русских друзей-читателей высказаться — и эти аргументированные письма против ложных обвинений «Новой Польши» в русофобии были опубликованы в подборке «Кто не хочет диалога». Запрет на распространение «Новой Польши» в России не состоялся. Как написал в конце номера профессор Помяновский, «шантаж оказался безуспешным... Официальное благословение позиции шовинистов, антисемитов и полонофобов вроде Куняева и Ко. стало бы исполнением мечты настоящих русофобов, которые видят только такую статью России и хотят пугать ею мир. Приведенные письма свидетельствуют о том, что «особенная статья» России, о которой писал Тютчев, все-таки заключается в чем-то ином. Именно она обеспечивает этой стране благодарность и уважение.»

Вероятно, подобные проблемы с распространением журнала в России встречались не раз. Это добавляло главному редактору трудностей, но он выходил из них с честью.

Выражу надежду, что редакция будет столь же успешно продолжать свою работу на благо взаимопонимания поляков и русских, ведь соседи обречены жить рядом, и для всех лучше жить в согласии и мире.

На юбилейной встрече в редакции «Газеты выборчей» в феврале 2011 года, когда пан Ежи отмечал 90-летие, он подписал мне свою изданную в 2006 году по-русски в Москве книгу очерков «К востоку от Запада». В ней и сегодня огромное количество удивительно актуальных замечаний, наблюдений и фактов о нашей общей судьбе.

В том числе о взаимоотношениях славянских соседей, об анахронизме имперской идеи и ее пагубности для России, о независимости Украины. Профессионалы в политике и культуре возьмут эти высказывания себе на заметку намного лучше меня, но и я не удержусь и приведу короткую цитату из интервью на историческую тему, чтобы показать, что пан Ежи вовсе не старался понравиться собеседнику, а всегда имел свое мнение и умел убеждать: «Да, Красная Армия не освободила поляков, ибо навязала им нежеланный режим. Но все-таки она их спасла! Спасла от массового уничтожения, от истребления, от преобразования в массу рабов Третьего рейха. Отрицать это значило бы оскорблять не власти России, но ее простых граждан, всех потомков и близких тех сотен тысяч парней, которые до сих пор лежат “в полях за Вислой сонной”».

Светлая память, пан Ежи.

Алексей Памятных — профессор, доктор физико-математических наук, сотрудник Астрономического центра им. Н. Коперника Польской академии наук (Варшава), член общества «Мемориал» (Москва).

3: Избавление от стереотипов

В редакции «Новой Польши» главного редактора Ежи Помяновского все называли Профессором, передавая этим высшую степень уважения и почитания. Это перешло и к авторам основанного им журнала.

С трудом вспоминаю, как мы познакомились. Кажется, в кулуарах какой-то конференции. Когда в начале 1990-х годов он вернулся в Польшу после вынужденной «профессорской эмиграции» в Италию, я уже работал в

Варшаве. Довольно скоро заприметил статьи Помяновского в газете «Жиче Варшавы» и еженедельнике «Политика», привлекаясь глубокомысленным и всегда актуальным российско-польским контекстом. «Этого автора пропускать нельзя», — сразу отпечаталось в сознании. Потом от польского коллеги я узнал, что знаменитый переводчик запрещенных некогда произведений Александра Солженицына «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» Михал Канёвский и публицист Ежи Помяновский — одно и то же лицо.

Биография Ежи Помяновского, этого удивительного человека-института, как о нем отзывались, сама по себе заслуживает отдельной и достойной книги. Родился в Лодзи в 1921 году. Окончил факультет философии и воспитательной психологии Варшавского университета и Медицинский институт в Москве. Жизнь мотает его по Польше, Украине, Средней Азии и России, заставляет пройти горнило нескольких профессий, но в конце концов склоняет его к преподавательской и литературной деятельности. Пишет о театре, истории драматургии и русской литературе. Работает в театре и на киностудии. В 1969 году вынуждено выезжает в Италию, сотрудничает с зарубежными издательствами и журналами, связывает себя с парижской «Культурой». Возвращается на родину, как только политические перемены дают такую возможность. Перевел почти все литературное наследие Бабеля, все драмы Льва Толстого, десятки рассказов Чехова, пьесы Шварца, стихотворения Пушкина, Ахматовой, Мандельштама, а также — чем особенно гордился — романы и публицистику Солженицына.

Об этом я уже знал, когда Помяновский пригласил меня «поговорить не на ходу». И сразу же приятно удивил меня: «А я вас знаю с тех пор, как вы стали писать в «Московские новости». И пояснил: «Это же моя любимая газета, которую читаю от корки до корки». обстоятельный разговор «за жизнь» увлек на три часа. Это было для меня второе такое впечатление в Варшаве, после того, как на четыре часа меня «поглотил» спектакль в режиссуре Мачея Энглерта «Мастер и Маргарита» по Михаилу Булгакову в театре «Вспулчесны» на Мокотовской. Но разве Помяновский не был театром одного, но многоликого актера? С энциклопедическими знаниями, с невероятными подробностями своей многообразной по родам деятельности и многовекторной географии жизни? Все, кто хоть раз виделся с ним, ощутил на себе магнетизм его харизмы и внимание к собеседнику.

С первой встречи ушел с подарком от автора: книгой «Русский месяц с гаком». В этом году исполняется ровно 20 лет, как вышел этот сборник публицистики. Некоторым помещенным в нем очеркам — еще больше. А вот стал перелистывать сейчас и поймал себя, что застреваю, торможу, перечитываю — написанное в конце прошлого века по-прежнему цепляет за живое. Во вступлении Ежи Гедройц пишет, что книга Ежи Помяновского «ясным образом показывает читателю, какой есть Россия на самом деле и как должны формироваться отношения с ней и нашими соседями на востоке». Да, это так. Но она и о Польше, о ее так называемой восточной политике. И в 1920-е годы, и после 1989 года. Можно только подивиться, как и теперь это интересно и актуально. Тем более, что интеллект, ирония и остроумие автора сроку давности не подлежат. Подлежат ревизии, может быть, некоторые наблюдения, не совпадающие с днем сегодняшним. Например, описание «неухоженной Москвы»: полная дыр проезжая часть, горбатые тротуары, облупленные дома... Что ж, что было — то было. Сегодня же весь мир съезжается полюбоваться российской столицей. И не только в праздники.

В одном из очерков «Русского месяца с гаком» Помяновский вспоминает, каким спросом пользовалась в Советском Союзе польская периодика, особенно выходивший на русском языке ежемесячный журнал «Польша». (Это сам могу подтвердить). Так вот, автор приходит к мысли, что пришло время, чтобы возобновить, по крайней мере, «Польшу»: «Новому поколению россиян необходимы новые вести о нашей стране».

И вот в сентябре 1999 года получаю приглашение на презентацию первого номера «Новой Польши». Но прежде прошу Помяновского дать интервью для «Московских новостей», в котором задаю вопрос: «Вы нашли способ заживить старые польско-российские раны?» И получаю такой ответ: «Поляков и русских разделяет не глубокое прошлое, над которым мы не властны, и даже не те недавние годы, когда Польша во всем зависела от Советского Союза: преобладающее большинство моих сограждан умеет отличить Россию от СССР. Нас разделяет незнание и непонимание друг друга. Мы хотим, чтобы «Новая Польша» помогла избавиться от мифов и стереотипов, заменила неведение знанием. Не только наши успехи, но и наши ошибки могут пригодиться русским читателям, которых, впрочем, мы не собираемся поучать, как это делают иные с плохо скрываемой спесью».

Вышли уже почти 200 номеров, которые содержат огромное количество статей и интервью об истории и современной жизни Польши, стихов и прозы, с обширной в каждом выпуске хроникой текущих событий в самых различных областях политической, экономической, культурной и международной жизни. Наверное, лишним будет говорить, что журнал стал ориентиром для тех, кто интересуется страной и развитием польско-российских отношений. Но будет умолчанием не сказать, что за годы становления журнала выдержал его главный редактор. Какие ему приходилось отражать стрелы негодования, как с российской, так и с польской стороны. Непримируемая дискуссия, которую правильнее было бы назвать битвой, долгое время велась между Ежи

Помяновским и Станиславом Куняевым — писателем, публицистом и главным редактором журнала «Наш современник», доказывающим многими публикациями антироссийскую направленность «Новой Польши». Были даже обращения в Федеральную службу по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и культурного наследия с предложением прекратить распространение «Новой Польши» по библиотекам России «за разжигание межнациональной розни, за оскорбление официальных лиц государства, за клевету на целый народ». Но и в Польше издание журнала некоторым не давало покоя. Вспомнил «особое внимание» к нему со стороны «Нашего дзенника», который в одной из статей своего автора, озаглавленной «Отвращение по-русски», решительно домогался «от министерства культуры и национального наследия отменить дотации ежемесячнику, который фальсифицированным и политически односторонним способом представляет образ Польши и поляков за их собственные деньги».

Очередная книга Помяновского «К Востоку от Запада. Как быть с Россией?» по сути стала логичным продолжением «Русского месяца с гаком». Солидный том вместил публицистику настолько актуальную (и сейчас), острую и содержательную, что позволил сравнивать его с энциклопедией о месте Польши в мире и ее отношениях с Россией. Только не для педантов, уточняющих факты, а для тех, кто ценит анализ, хороший стиль и прогноз на будущее. Это не та книга, которую — сел за стол и написал. В каждом очерке, эссе, интервью — пульс автора, который бился одновременно с происходящим событием или учащался с обсуждением какой-то проблемы.

Помяновский не навязывался в друзья читателю, но и не хотел в нем разбередить врага. И это при том, что брался за любую тему, опасность которой можно было определить загодя. Он мог сегодня писать о горькой правде Катынской трагедии, а завтра сожалеть, что соотечественники «избавились» от могил нескольких советских офицеров в центре Кракова, спасенного благодаря умелой операции маршала Конева, которого лишили памятника и улицы. Он мог разложить по полочкам ситуацию в Чечне и одновременно «ударить по своим» — хотя бы по правительственным чиновникам, которые, как он считал, только на словах пекутся об энергетической безопасности Польши. Он мог писать о том, что угрожает России, если ее власть будет предаваться имперским амбициям, а одновременно — корить свою власть за неумелую политику по отношению к восточным соседям. Удивительная и примечательная вещь: несмотря на сказанное выше, одна сторона не могла его назвать русофобом, а другая — русофилом. А вот третья сторона — в лице итальянского критика Мауро Мартини, рецензировавшего «К Востоку от Запада», — высказалась более определенно: «Чтение этой книги представляет собой отличное противоядие от русофобии».

Известным польским заблуждением, не уставал замечать Помяновский, является то, что о россиянах известно в Польше чуть ли не все. Не отсюда ли инертность польской восточной политики, вопрошал Помяновский, поддерживая в одной из газетных дискуссий тех, кто утверждал, что не из России исходит опасность для Польши. На самом деле, самыми опасными для Польши являются сами поляки. Понятное дело, не все, а только те, кто уходит от решения проблем, полагаясь на самостоятельный ход событий: «как-то будет». Но и таких достаточно.

Как известно, вдохновителем издания «Новой Польши» стал основатель и бессменный главный редактор парижской «Культуры» Ежи Гедройц, написавший во вступлении к первому номеру журнала: «От нормализации польско-российских отношений зависит не только будущее наших стран, но и будущее формирующейся объединенной Европы». Этой мысли придерживался в своей публицистике и редактировании Помяновский, посвятившей памяти Ежи Гедройца свою книгу «К Востоку от Запада».

Профессор Помяновский все время проводил мысль о необходимости взаимного познания и избавления от бытующего как среди поляков, так и россиян, «деформированных представлений друг о друге» (Гедройц). Поэтому автор призывал не бороться с Россией, не игнорировать ее книги, науку, телевидение, торговлю, туризм, не издеваться над россиянами — живыми и мертвыми. Только так можно выстроить взаимоотношения и как следствие — доверие и безопасность.

Он много писал, публиковал, давал интервью, но как-то обескуражил автора этих строк признанием: «Я не писатель, а читатель», показав при этом глазами на внушительную горку свежих российских газет и журналов. И читая его статьи и книги на российскую тематику, убеждаешься, как он «перелопачивал» нашу разностороннюю печать, выискивая в ней самые существенные мысли и идеи, с которыми подчас сразу же соглашается, а иногда с аргументами и фактами в руках, как правило, с историческими реминисценциями, разбивая их в пух и прах.

Создавая «Новую Польшу» (Помяновский и его детище были неотделимы друг от друга), он говорил, что прокладывает, прежде всего, дорогу к интеллигенции. Помяновский считал, что интеллигенция в России — явление уникальное. Нигде в мире этого нет. Близость культур позволяет говорить об интеллигенции и в Польше. Не случайно, что мир понятие «интеллигенция» переводит с русского и польского — на этих языках оно звучит

одинаково. Интеллигенция, подчеркивал Помяновский, единственная могла противопоставлять себя власти. А потому читаем у него: «Кто утверждает, что интеллигенция как отдельный слой не существует, что у нее уже нет будущего, тот не знает России и роли — благословенной или зловещей, какую в ее истории играли группы немногочисленные, но сознающие свою цель».

Ежи Помяновский был как зарядное устройство: в любой момент был готов подключиться к общению. Он заверял, что с Россией Владимира Путина можно договориться без знахарей. Рецепт его дипломатии был прост: необходимо составить «протокол разногласий», из которого, деловито обсуждая, постепенно устранять одну проблему за другой. Конечно, при поисках компромисса и надлежащем взаимоуважении.

Как говорится, было бы желание.

Валерий Мастеров — многолетний собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве, сейчас — пресс-секретарь Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия». Член Союза журналистов России. Статья написана для «Новой Польши».

4: Ушла эпоха бесспорных авторитетов

Смерть Профессора Ежи Помяновского переполняет меня скорбью и смирением перед фактом, что уходят даже самые сильные духом. Вместе с Профессором ушла эпоха, которая порой определяется присутствием бесспорных авторитетов и уважением к ним. Я убеждена, что окончательно завершилась и эпоха первичного круга парижской «Культуры»: свидетелей труда Ежи Гедройца в ранние годы функционирования Литературного института, участников самых трудных, пионерских предприятий Редактора.

Ежи Помяновский был открытым человеком и интересовался людьми, а не персонализированными общественными проблемами. Это редкая черта, а может быть, даже дар, благодаря которому любой собеседник Профессора чувствовал свою значимость. Помяновский славился пространными монологами, своего рода уроками или лекциями, которые мог прочитать, к примеру, во время телефонного разговора. Было невозможно вставить ни слова. Следовало слушать. Всегда с пользой для слушателя. Даже тогда, а может быть, особенно тогда, когда Профессор в изысканной форме о чем-то напоминал либо советовал обратить на что-то внимание. Я помню много таких разговоров, хотя бы на тему распространения книг, печатаемых в университетских издательствах, либо организации Европейской коллегии украинских и польских университетов, готовившейся в Люблине. Не терпящий возражений тон — но для пользы дела — а также безупречность манер и языка составляли узнаваемый, единственный в своем роде, стиль убеждения Ежи Помяновского.

Профессор умел также слушать. И смотреть, что, может быть, более важно, ведь он одарял слушателя внимательным, глубоким, искрящимся взглядом, передающим энергию Его действия. Он помнил, о чем мы разговаривали в прошлый раз, и какие проблемы меня занимали. Часто возвращался к неоконченным ранее сюжетам, что создавало ощущение непрерывности сосуществования, столь важной, когда думаешь о Профессоре — Наставнике и Друге. Приветливым взглядом он придавал уверенность, окрылял, заражал страстью эффективной деятельности. Благодарил, как во время последнего, кажется, публичного выступления, 25 апреля 2016 года во Дворце Потоцких Варшавского университета. Тогда, в гостях у Яна Малицкого, директора Центра исследований Восточной Европы, мы отмечали 95-летие Профессора, преподнеся ему юбилейную книгу «Русский связной. Разговор о Ежи Помяновском» (выпущенную издательством Университета им. Марии Склодовской-Кюри). Профессор был с нами и как бы не был. Смотрел на зал, полный гостей, и на авторов книги, а видел каждого в отдельности. Выступавшие, среди которых были Юзеф Хен, Кароль Модзелевский, Станислав Обирек, Даниэль Ольбрыхский, а потом все мы подходили обнять его, а Он отвечал именно этим необычным взглядом. Взволнованные теплом и светом этого взгляда, мы уже знали, что это прощание.

Думая о Ежи Помяновском, я не могу не упомянуть Его связи с Люблином, моим учебным заведением и близкими мне людьми. Во-первых, личные отношения с Анджеем Печакон, директором издательства Университета им. Марии Склодовской-Кюри, привели к тому, что Он принял решение печатать тома своих эссе здесь. Визиты автора в Люблин и многочисленные встречи в атмосфере интеллектуальной дискуссии сблизили Помяновского с люблинским архиепископом Юзефом Жицинским. Тот подарил Ему кавалерийскую саблю, висевшую в секретариате курии, которую тут же прозвали «саблей за Бабеля» (конгениальные переводы прозы Исаака Бабеля — визитная карточка Помяновского-переводчика). Профессор был дружен и с ректором нашего университета проф. Марианом Харасимюком, благодаря которому университет стал важным местом изучения и

распространения наследия «Культуры». На многих фотографиях Ежи Помяновского сопровождает о. Томаш Достатни, доминиканец и *spiritus movens*^{Движущий дух (лат.)} цикла дискуссий «Поверх границ».

Профессор Ежи Помяновский в 2011 году был удостоен высшей университетской степени — титула почетного доктора. Ходатайство в сенат Университета им. Марии Склодовской-Кюри подали профессора Анджей Менцвель, Эдвард Ольшевский и Адам Даниэль Ротфельд, который сказал тогда: «Достижения Профессора Ежи Помяновского столь велики, что своей биографией он мог бы одарить нескольких авторов в области перевода, политической и культурной публицистики, редакторской деятельности, а также активного участия во многих институтах и общественных организациях, работающих ради прояснения трудных и драматичных вопросов в польско-российских отношениях, с уважением к суверенности и чувствам соседей России, в особенности Украины». Ротфельд подчеркивал таким образом значение ежемесячника «Новая Польша» и участие Помяновского в работе Польско-российской группы по трудным вопросам. Леопольд Унгер, получивший титул почетного доктора нашего университета в 2009 году, написал тогда (доныне неопубликованное) поздравительное письмо. Вот фрагмент этого письма:

«Дорогой господин (ты помнишь, кто так обращался к нам),

Любимый Юречек,

[...] Ты на самом деле единственный настоящий, нестигаемый, не только духовный, есть и другие, но действительный исполнитель и наследник несуществующего завещания Редактора.

Мы, те из «Круга», писали, а Гедройц в «Культуре» печатал. Люди читали (или нет), после чего журналы, вместе с авторами, отправлялись на полки. И там, в пыли, старели. Но осталась (конечно, помимо Мезона^{В городке Мезон-Лафит под Парижем находилась редакция «Культуры».}) Твоя «Новая Польша». Это была (помимо «Культуры» № 637 от октября 2000 года) одна из последних инициатив Гедройца, если не последняя, свидетелем осуществления которой он успел стать. Удовлетворенным свидетелем. Это его дух витает над «Новой Польшей» (над «старой» всё меньше). «Новая Польша» это Твое создание, это плод Твоей, «Броненосца» (как Тебя называет Твоя команда), решимости и упорства, веры в дело, которому Ты служишь, и в верности которого легко убедиться даже, а может быть, даже легче, когда видишь его из Брюсселя. Тебе нелегко, Ты стараешься, как можешь. Есть скептики, которым не по вкусу главное послание «Новой Польши», то есть работа не только над согласием политиков, но прежде всего, над диалогом свободных представителей свободного, в обеих странах, гражданского общества. Так что, береги себя, Броненосец, ведь до конца далеко».

Сегодня, определенно, дальше, чем в 2011 году, ведь желающих выслушивать рациональные аргументы меньше с обеих сторон...

Я имела честь быть куратором почетного доктората Профессора Ежи Помяновского. Я говорила тогда о Его заслугах и моральной поддержке, в т.ч. в деле создания лаборатории по изучению Литературного Института в Париже (функционирует с 2010 года на факультете политологии УМСК). Искусно владея словом, Профессор с 2013 года включился в работу Капитула стипендии им. Леопольда Унгера, оценивающего дебюты и юношеские журналистские пробы вступающих в профессию. Он тщательно рецензировал все заявки, непременно интересуясь мотивацией и достижениями кандидатов. Это была Его характерная черта — интерес к другому человеку.

Мне также выпала честь редактировать уже упомянутую юбилейную книгу. В предисловии к тому «Русский связной...» я, в частности, написала: «Литературные интересы Ежи Помяновского представляли собой эманацию его позиции по отношению к России: позиции, отличающейся пониманием имперской истории, которая проецируется на историю государства и народов России XX века. В этом смысле можно сказать, что Ежи Помяновский стал соавтором восточной программы «Культуры», восстановив надлежащие, то есть сильные, акценты у тех звеньев программы, которые непосредственно касались польско-русских отношений после Второй мировой войны, с учетом интересов соседей, наиболее близких современной Польше и традиции Речи Посполитой, т.е. Украины и Литвы». Я сочла, что название книги в достаточной мере подчеркивает своеобразный лейтмотив, скрепляющий биографию Ежи Помяновского. Россия из лагерных воспоминаний, увлеченность культурой, упрямое стремление к рационализации проблематики польско-российских отношений — три воплощения одной темы, определившей состоявшуюся жизнь Профессора.

Ушел добрый, мудрый, искренний Друг.

Ивона Хофман, профессор Университета им. Марии Склодовской-Кюри в Люблине.